

ФИНСКАЯ ПРИРОДА В «САЛАМАНДРЕ» В. Ф. ОДОЕВСКОГО

М. В. ПЕКШИЕВА,

*старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии
ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
(г. Петрозаводск, РФ)*

В романтический период XIX в. поэты и писатели особенно интересуются природой, рассматривают ее как «предкультуру». Н. Я. Берковский называет природу «средой, из которой заимствовались строительные камни для культуры», в сравнении с природой культура «малосамостоятельна и непрочна» [2, 40]. В природе события всегда повторяются, она вне времени, а людей и цивилизацию мы не можем отделить от времени.

Как известно, «первоклассно-важные» для романтизма мотивы были разработаны в натурфилософии Ф. В. Шеллинга, где природа и жизнь мыслятся как «непрерывное творчество» [2, 24]. Они творят сами себя, открываются друг другу, развиваются, пока не придут к миру человека и культуры. Человек у Шеллинга неразрывно связан с природой, причем это «не только высокая связь, но и домашняя, интимная», а природа есть то, что было сначала, или «постоянное, сильное и первичное» [2, 25]. В сравнении с ней человек или цивилизация в целом существует совсем недолго, одно мгновение. «Природа против цивилизации – это вечность против моды» [2, 41].

По признанию В. И. Сахарова, в 1820–1830-е гг. учение Шеллинга в России пользовалось популярностью. Оно соединяло русскую литературу и эстетическую мысль с мировой культурой. Идеи Шеллинга, проникая в русскую культуру того времени, обретали в ней новую жизнь; так появилось на свет русское романтическое шеллингианство. В 1820-е гг. возникло «Общество любомудрия» под руководством Д. В. Веневитинова и В. Ф. Одо-

евского, где внимательно изучались идеи Шеллинга. Русское шеллингианство, не будучи чистой философией, проникло во все сферы культуры [14, 131–134].

П. Н. Соловский отмечает, что система Шеллинга очень удачно «акклиматизировалась на русской почве», так как в 1820-е гг. фантазия и чувства играли важную роль для романтического направления [16, 2]. К Шеллингу в Мюнхен ездили слушать лекции и обсуждать проблемы литературы и философии множество русских писателей, и среди них Одоевский [14, 138].

В повести «Саламандра» Одоевский пытается познать человеческий дух через природу. Главная героиня финка Эльса одухотворяет окружающую ее природу. Она представляет собой человека постоянного и сильного, который не поддается ни уговорам, ни обучению. Человеку образованному и культурному поведение Эльсы кажется диким. Она – дитя леса, ее не интересует мнение других, она не думает о своем поведении и не принимает нормы, принятые обществом. При этом она более свободна и открыта, потому что не играет в игры, навязанные социумом. Вместе с Эльсой Якко (ее возлюбленный) «забывал свои житейские выгоды и надежды; родное чувство отзывалось в груди его, и он, подобно Эльсе, готов был все бросить и укрыться с нею в бедную избушку на финляндских порогах» [12, 269]. «С другой стороны, ему страшно казалось соединить навек судьбу свою с женщиною почти полудикою, которой язык не будет никому понятен, которая понимает в жизни лишь первые ее потребности...» [12, 264].

Как сообщает В. Кипарский, интерес к финнам у Одоевского пробудили публикации Я. К. Грота в журнале «Современник» в 1839 г., а также собственные наблюдения [24, 77]. Грот пишет, что финны живут на севере, поэтому они не избалованы природой, все время с нею борются. Живя в таком климате, человек часто уходит в себя, он не открыт природе [5, 102, 112]. Грот пересказывает русскому читателю «Калевалу», собранную Лённротом, которую Одоевский использует потом в своем произведении. Стоит отметить, что первая часть повести была почти сразу переведена на финский язык и напечатана в газете К. А. Готлунда «Суоми», о чем говорит Э. Г. Карху [6, 290]. Известно, что В. Г. Белинский по-разному оценивал «Саламандру», но описание реальной действительности ему нравилось [1, 118].

Повесть начинается с описания финской лесной избушки, в которой выросла Эльса. Например, в сказках герои часто растут в лесу и лес может быть отображением мира героя [3, 213]. По Д. Тресиддеру, лес, с одной стороны, – символ опасностей бессознательного, с другой – образ убежища; в сказках и фольклоре лес – это место тайн; в древнем мире лес связан с идеей женского начала; азиатская традиция говорит, что в лесу «можно погрузиться в созерцание и духовное совершенствование» [17, 193–194].

Ю. И. Минералов сообщает, что П. Н. Сакулин, «современник русских символистов», интересовался проблемой символа у Одоевского и «внимательно анализировал его философско-эстетические воззрения» [10, 197]. По утверждению Одоевского, в природе нет ничего случайного: «в природе все есть метафора одно другого; жизнь растения есть метафора жизни человека, жизнь человека – метафора времени...» [10, 197].

Финляндия считается самой лесной страной в Европе, и для финнов природа – это прежде всего лес. Как отмечает Й. Палласмаа, финны давно уже живут в современных городах, но картины, связанные с лесом, до сих пор живут у них в душе. Летом многие намеренно отказываются от всяче-

ских удобств и возвращаются к древнему образу жизни лесного человека [25, 7].

Образ финского леса у Одоевского создают сосны, их свежие ветки. Огромные деревья стоят по берегам р. Вуоксы, они же падают в пучину водопада, к ним привязывают лодки, их же используют финны в качестве дров. Сосна считается «символом долголетия и бессмертия», это «самая древняя древесная порода», вечнозеленое дерево, мало подверженное гниению; если есть простор, сосна растет и на самой бедной почве [7, 468].

Находясь в Петербурге, Эльса поет о березе. Мы знаем, что русская береза – это «эмблема молодых женщин», «символ весны и девичества», березе также приписывается способность изгонять злых духов [17, 24]. В традиции народов Северной Европы береза – символ «перехода от зимы к весне, символ смерти и воскресения» [7, 77]. Береза считается шаманским деревом, она связывает небо и землю. С одной стороны, она оберегает от нечистой силы, с другой – является орудием нечистой силы. В народной поэзии девушку всегда сравнивают с березой и наоборот [7, 78].

В песнях Эльсы береза жалуется на свое одиночество. Береза – женский образ, она олицетворяет саму Эльсу. Когда девушке плохо, она обращается к герою финских преданий, славному Вяйнямейнену [12, 282]. Вяйнямейнен спрашивает березу, о чем та плачет, а Эльса ему отвечает словами из «Калевалы»:

Оттого весь век горюю,
В одиночестве я плачу,
Что беспомощна, забыта,
Беззащитна я осталась,
Здесь для встречи непогоды,
Как зима приходит злая [8, 284].

Т. В. Муравьева отмечает, что береза у финнов считается священной наряду с рябиной и дубом [11, 253]. По П. Виртанену, береза – национальное дерево Финляндии, народная традиция также связывает ее с женственностью и невинностью [26, 53]. Из березы Вяйнямейнен в «Калевале» делает новое кантеле, тем самым дает ей новую жизнь, новый голос, новую песню:

Пышная, не плачь, береза, <...>
Обретешь иное счастье,
жизнь прекраснее получишь –
будешь плакать ты от счастья,
петь – от радости великой! [8, 496]

Скалы также являются источником вдохновения художников, поэтов и писателей. Скала – это «надежность, честность, прямота, прочность, стабильность, постоянство, сила» [17, 336]. Родина Эльсы – скалистая земля. Финка удивляется тому, как русские строят в Петербурге дома: они вбивают сваи, и от этого земля стонет. « – Да зачем же, у нас на Вуоксе дома и без того строят? – Да на Вуоксе камень, а здесь земля не держит... – И земля здесь не держит! Все здесь не так, как надобно!» [12, 268].

Вода также почти всегда является атрибутом пейзажа. Вода – это «древний универсальный символ чистоты, плодородия и источник самой жизни», река, в свою очередь, – «символ уходящего времени и жизни», «важный символ постоянно восполняемого богатства природы, очищения и движения» [17, 304]. Иматрский водопад на Вуоксе – уникальная достопримечательность, созданная самой природой.

С. Хирн отмечает, что предки финнов относились уважительно к водопаду. Скорость стекающей воды, ее шум и разная картина прибоя давали свободу воображению. Иматру отождествляли с первоначальной, буйной силой и недоброжелательными природными явлениями. По берегам водопада очень долго не строилось никакого жилья, так как местность считалась дикой [23, 10]. Водопад Иматра описан в «Калевале»:

Есть три грозных водопада, <...>
в Хяме есть падун Гремучий,
в Карьяле порог есть Катра.
Нет проплывших через Вуоксу,
Иматру перешагнувших [7, 38].

Об Иматре пишут русские поэты. У Е. А. Баратынского это – «поток седой», «дымная бездна» [18, 11], у А. А. Бестужева-Марлинского – «пенный ад», «губительный потоп» [18, 43], у Н. И. Филимонова водопад имеет «ужасно-пленительный вид» [18, 54]. Иматру рису-

ют русские художники. Е. Г. Сойни описывает картины Н. Н. Дубовского, В. Кандинского, А. А. Рылова, у которых вода и волны водопада составляют важную часть полотна [15, 11, 64, 113]. В «Саламандре» Одоевского «Вуокса тиха и спокойна в своем течении; но беспрестанно скалы то ложатся поперек ее, то сжимают ее узкими берегами, и река кипит, бурлит, рвется к родному морю, ползет на утесы, бросает в воздух глыбами белой пены, подмывает огромные сосны; сосны падают в пучину, через минуту за версту от порога Вуокса прибывает к берегу дребезги огромного дерева – и снова течет тихо и спокойно» [12, 245]. К. Фриландер в своей работе акцентирует внимание на том, что хотя в произведении Одоевского вместе с историческим изображением присутствует много мифического, описание Иматры, края, где происходит часть событий, дается очень реалистично [22, 17].

Находясь в Петербурге, в ассамблее Эльса видит картину с иматрским водопадом. «Вдруг глаза ее остановились на противоположной стенке; она смотрит: что-то знакомое... да, это берега Вуоксы, это пороги – над ними светит солнце – радуга играет в причудливых брызгах, – тут и родная избушка, и утес, к которому она прислонена... Не чудо ли это? Не какой ли тиетай перенес Эльсу на родимую землю...» [12, 271]. Картина сводит девушку с ума и вызывает припадок.

Фриландер поддает сомнению тот факт, что картина иматрского водопада могла украшать петербургский дворец в эпоху Петра I, как изображено у Одоевского в «Саламандре» [22, 18]. Одним из самых первых произведений, изображавших водопад, была работа, выполненная французом Яном Бальтазартом де ля Траверсом в 1787 г., который в 80–90-е гг. XVIII в. жил и работал в России [22, 21]. Следовательно, картина уже существовала при Одоевском, но еще не была написана в Петровское время.

Описывая в «Саламандре» финский водопад, реку с порогами, Одоевский замечает там ладью рыболова. Это лодка старика Руси. Он живет у бурной реки и каж-

дый раз, добывая пропитание для семьи, рискует своей жизнью. «Привычными руками он взялся за весла, – видно было, что ему не впервые проводить свою лодку между опасными порогами» [12, 254]; «отважный, он вверялся родной реке и спокойно закидывал сети между kloкочущими безднами» [12, 246]. И. Э. Эман пишет о финнах, что «они в своих ладьях смело поднимаются и спускаются по стремительным водопадам» [19, 239].

О. Буле, исследуя тему Севера в русской романтической литературе, отмечает, что финский рыбак очень похож на благородного дикаря, который живет в полной гармонии с окружающим его миром. Вместо того чтобы использовать первозданную природу, как поступили бы праздные гости из Петербурга, он относится к ней с уважением, осознавая ее непредсказуемые стороны. Он, конечно, отважен, но не безрассуден, он никогда не будет недооценивать опасность [20, 231].

Если вновь обратиться к символам, то лодка для тех, кто живет у рек и морей, символизирует «средство перехода из материального мира в духовный», это «колыбель для душ, которые ждут возрождения» [17, 198]. Руси у Одоевского погибает в своей лодке вместе со шведом, которому старик мстит за смерть своего убитого шведами сына. «Швед взялся за мушкетон – но было уже поздно; лодку быстро втянуло в белую пену» [12, 254].

Как известно, Петру I было трудно воевать в Финляндии именно из-за природного ландшафта. Я. Гордин, обращаясь к событиям Северной войны, пишет о «дремучих лесах» и «холодных реках», пересекавших страну, а также о «многочисленных лесных озерах, болотах и оврагах», что «помогало обороняться и мешало наступать» [4, 123]. Заливы и бухты, а также множество маленьких островов создавали огромный лабиринт, в котором нельзя было использовать большие корабли [4, 123].

Й. Л. Рунеберг считает, что на природу можно смотреть с двух сторон. Есть места на планете, где природа покорена, она подносит народу дары, и народ выглядит благодарствующим. Но есть места, где можно

увидеть «природу в первобытном ее блеске», там она «свободно развивает испоконские силы и смеется стараниям слабого племени» [13, 180]. Финляндия как раз богата такими картинами.

Интересно, что в произведении Одоевского не упоминаются озера, которых в Финляндии несколько тысяч, или болота, которые составляют третью часть страны. По сообщению П. Бонддорфа, в финской литературе опасное болото, например, описано меньше, чем «зеленое золото» и вода [21, 47]. Зато у Одоевского есть Балтийское море, за которое борется Петр Великий. Море Д. Тресиддер определяет как «образ матери, даже более важный, чем земля», это «символ возрождения и превращения», а также «знак бесконечности познания» [17, 228].

В «Саламандре» мы два раза встречаемся с наводнением. Первый раз о нем рассказывает финская легенда. Шведский король договорился с морем, и оно «взбушевало, вылилось из берегов и всползло на кровли нового города» [12, 250]. Петру удается победить стихию. «Сильно ударил он жезлом по морю, и море смутилось, быстро потекло в берега и только в страхе обмывало царские ноги» [12, 250]. Второе наводнение случилось в Петербурге в ноябре 1722 г. «...рутцы напустили на вейнелейсов море – все должно погибнуть; нет спасения...» [12, 286], – такими словами встречает наводнение Эльса. И опять в произведении фигурирует лодка: Эльсу спасает от наводнения финн Юссо.

Таким образом, в повести представлены две водные стихии. Первая – вода в водопаде, бурный, но мирный поток; он убивает только тех, кто неосторожен или пошел на смерть сам, как Руси. Вторая – наводнение, причем не в Финляндии, где природа дикая, но не мстительная, а в цивилизованном Петербурге или на море. Становится понятно, что с природой не договариваться. В подобном случае, когда стихия разыгрывается, как у Одоевского в «Русских ночах» и «Насмешке мертвеца», А. Магалашвили называет ее палачом и судьей. Она карает цивилизацию, которая вошла в противоречие с природой [9, 3].

Как известно, Одоевский интересовался творчеством Новалиса, который в повести «Ученики в Саисе» описывает жизнь природы в глубине цивилизации. Так, если в классицизме считалось, что цивилизация подчиняет себе природу, то после промышленного переворота в Англии и революции во Франции вновь стало казаться, что «между цивилизацией и природой ничего не решено навечно» [2, 175–176]. До этого человек насильственно относился к природе, теперь целью являются примирение, желание найти любовь и взаимопонимание друг с другом [2, 176]. Стихия и город найдут равновесие и обретут гармонию в произведениях Одоевского (4338 год. Петербургские письма) позже, когда техника будет «поставлена на службу лю-

дам» и природа будет внедрена в город в виде сада [9, 3].

Одоевский пишет в «Саламандре» о финнах. Описывая героев, невозможно оставить без внимания местность. Финский пейзаж романтического периода – это невозделанная природа: лес, скалы, вода. Там герои проводят свое детство. Береза является символом девичества, к ней обращается Эльса в минуты печали, находясь в Петербурге. Водопад Иматра может гордиться своим сильным потоком, привлекая путников. На нем расставляет свои сети финский рыбак. Наводнение – совсем другой поток, злая сила, карающая цивилизацию. Обращаясь к природе, Одоевский поднимает вопросы общего в природе и человеку.

Поступила 27.02.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. *Белинский, В. Г.* Сочинения князя В. Ф. Одоевского // Собрание сочинений : в 9 т. / В. Г. Белинский. – Москва, 1981. – Т. 7. – С. 102–126.
2. *Берковский, Н. Я.* Романтизм в Германии / Н. Я. Берковский. – Ленинград : Художественная литература, 1973. – 568 с.
3. *Головин, С.* Символика сказок / В. Бауэр, И. Дюмотц, С. Головин // Энциклопедия символов. – Москва, 1998. – 512 с.
4. *Гордин, Я.* Пусть каждый исполнит свой долг / Я. Гордин. – Москва : Детская литература, 1979. – 143 с.
5. *Грот, Я. К.* О финнах и народной поэзии. 1840 // Труды Я. К. Грота. Из скандинавского и финского мира. – Санкт-Петербург, 1898. – С. 100–148.
6. *Карху, Э. Г.* Финляндская литература и Россия, 1800–1850 / Э. Г. Карху. – Таллин : Эстгосиздат, 1962. – 343 с.
7. *Куклев, В.* Береза // Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы / авт.-сост.: В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер. – Москва, 2006. – 556 с.
8. *Лённрот, Э.* Калевала : эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен / Э. Лённрот. – Петрозаводск : Карелия, 1998. – 584 с.
9. *Магалашвили, А.* Город князя Одоевского / А. Магалашвили // Невское время. – 2002. – 3 сент.
10. *Минералов, Ю. И.* История русской литературы XIX века (1800–1830-е годы) / Ю. В. Минералов. – Москва : Высшая школа, 2007. – 367 с.
11. *Belinsky, V. G.* (1981), Works of Duke V. F. Odoevsky, Selected Works in 9 Vol., Vol. 7, Moscow, p. 102–126.
12. *Berkovsky, N. Y.* (1973), Romanticism in Germany, Leningrad: Fiction.
13. *Bauer, V., Dyumotts, J., Golovin, S.* (1998), The symbolism of fairy tales, Encyclopedia of symbols, Moscow.
14. *Gordin, Ya.* (1979), Let everyone do their duty, Moscow: Children's Books.
15. *Grott, J. K.* (1898), About Finns and folk poetry. 1840, Proceedings of J. K. Groth. Scandinavian and Finnish peace, Saint Petersburg, p. 100–148.
16. *Karhu, E. G.* (1962), Finnish literature in Russia, 1800–1850, Tallinn: Estgosisdat.
17. *Kuklev, W., Rovner, A.* (2006), Birch, Encyclopedia. Symbols, signs, logos, in Andreeva, V. (eds.), Moscow.
18. *Lönnrot, E.* (1998), Kalevala: epic poem based on ancient Karelian and Finnish national songs, Petrozavodsk: Karelia.
19. *Magalashvili, A.* (2002), City of Duke Odoevsky, Neva time, 3 September.
20. *Mineralov, Yu. I.* (2007), History of Russian literature of the XIX century (1800–1830-ies), Moscow: Higher School.
21. *Muraveva, T. V.* (2005), Myths of the Slavs and the peoples of the north, Moscow: Publishing House "Veche".
22. *Odoyevsky, V. F.* (1988), Novels and stories, Moscow: Fiction.
23. *Runeberg, J. L.* (2004), About the nature of Finland, the customs and lifestyle of the people in the interior region. 1832, Selected works, Saint Petersburg, p. 179–193.

11. Муравьева, Т. В. Мифы славян и народов севера / Т. В. Муравьева. – Москва : Издательский дом «Вече», 2005. – 416 с.
12. Одоевский, В. Ф. Повести и рассказы / В. Ф. Одоевский. – Москва : Художественная литература, 1988. – 382 с.
13. Рунеберг, Й. Л. О природе финляндской, о нравах и образе жизни народа во внутренности края. 1832 / пер. Я. Грота // Рунеберг Й. Л. Избранное. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 179–193.
14. Сахаров, В. И. Страницы русского романтизма : книга статей / В. И. Сахаров. – Москва : Советская Россия, 1988. – 352 с.
15. Сойни, Е. Г. Финляндия в русском искусстве. 1890–2010 / Е. Г. Сойни. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2013. – 170 с.
16. Соловский, П. Н. Князь В. Ф. Одоевский и его сочинения / П. Н. Соловский. – Чернигов : Губернская типография, 1884. – 43 с.
17. Тресиддер, Д. Словарь символов / Д. Тресиддер ; пер. с англ. С. Палько. – Москва : Фаир-Пресс, 2001. – 444 с.
18. Финский альбом : Из русской поэзии начала XIX – начала XX века / сост. и авт. Т. С. Тихменева. – Ювяскюля, 1998. – 332 с.
19. Эман, И. Э. О национальном характере финнов // Альманах в память двухсотлетнего юбилея Александровского университета, изданный Я. К. Гротом. – Хельсинки, 1842. – С. 237–246.
20. Boele, O. The North in Russian romantic literature / O. Boele. – Amsterdam, 1996. – 304 p.
21. Bonsdorff, P. Eletty ja mielletty maisema = Lived ja perceived landscape // Suomalaisien symbolit = The Finnish symbols. Toim. T. Halonen, L. Aro. – Jyväskylä : Atena Kustannus, 2005. – P. 44–48.
22. Frilander, K. Venäläisten taiteilijoiden matkat Imatralle 1809–1917 [Электронный ресурс]. = The journeys of the Russian artists to Imatra 1809–1917 / K. Frilander. – Jyväskylän yliopisto, 2001. – S. 17. – Режим доступа: <https://jyx.jyu.fi/dspace/handle/123456789/12000>.
23. Hirn, S. Imatran tarina = The story of Imatra / S. Hirn. – Imatra, 1978. – 210 s.
24. Kiparsky, V. Suomi Venäjän kirjallisuudessa = Finland in the Russian literature / V. Kiparsky. – Helsinki, 1945. – 263 s.
25. Pallasmaa, J. Esipuhe = Foreword // Bird T., Snitt I. Suomalaisista elämäntapaa etsimässä = Looking for the Finnish way of life. – WSOY, 2005. – 198 s.
26. Virtanen, P. Metsä antaa mitä metsällä on = A forest gives what it has // Suomalaisien symbolit = The Finnish symbols. Toim. T. Halonen, L. Aro. – Jyväskylä : Atena Kustannus, 2005. – S. 49–53.
14. Sakharov, V. I. (1988), Pages of Russian romanticism: the book of articles, Moscow: Soviet Russia.
15. Soini, E. G. (2013), Finland in Russian art. 1890–2010, Petrozavodsk: Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences.
16. Solovskiy, P. N. (1884), Duke V. F. Odoyevskiy and his works, Chernigov: gubernia Press.
17. Tresidder, D. (2001), Dictionary of symbols, Moscow: Fair-Press.
18. Tikhmenev, T. S. (1998), Finnish album: Russian poetry in the early XIX – early XX century, Jyväskylä.
19. Eman, I. E. (1842), On the national character of the Finns, Almanac memory bicentennial anniversary of the Alexander University, in Groth, J. K. (ed.), Helsinki, p. 237–246.
20. Boele, O. (1996), The North in Russian romantic literature, Amsterdam.
21. Bonsdorff, P. (2005), Eletty ja mielletty maisema = Lived ja perceived landscape, Suomalaisien symbolit = The Finnish symbols, Toim. T. Halonen, L. Aro, Jyväskylä: Atena Kustannus, p. 44–48.
22. Frilander, K. (2001), Venäläisten taiteilijoiden matkat Imatralle 1809–1917 = The journeys of the Russian artists to Imatra 1809–1917, Jyväskylän yliopisto, p. 17, available: <https://jyx.jyu.fi/dspace/handle/123456789/12000>.
23. Hirn, S. (1978), Imatran tarina = The story of Imatra, Imatra.
24. Kiparsky, V. (1945), Suomi Venäjän kirjallisuudessa = Finland in the Russian literature, Helsinki.
25. Pallasmaa, J. (2005), Esipuhe = Foreword, in Bird T., Snitt I. Suomalaisista elämäntapaa etsimässä = Looking for the Finnish way of life, WSOY.
26. Virtanen, P. (2005), Metsä antaa mitä metsällä on = A forest gives what it has, Suomalaisien symbolit = The Finnish symbols, Toim. T. Halonen, L. Aro. – Jyväskylä: Atena Kustannus, p. 49–53.